

Владимир Дувакин

Куда путь держишь...

Владимир Дувакин
Куда путь держишь...

«Автор»

2026

Дувакин В. А.

Куда путь держишь... / В. А. Дувакин — «Автор», 2026

Год на фронте позади. Впереди — родной Питер, запах лаванды в прихожей и объятия любимой жены. Коля надевает парадный китель, берет букет хризантем у метро и делает шаг навстречу новой, мирной жизни. Но мир вокруг кажется фальшивым театром, парадная форма давит как сбруя, а флэшбэки стирают границы настоящего. Коля уверен: дома его ждут, и этот ад наконец закончился. Но готов ли сам город принять человека, который выжил на войне, но так и не смог вернуться из своего последнего боя?

© Дувакин В. А., 2026

© Автор, 2026

Владимир Дувакин

Куда путь держишь...

Пролог

Воздух в полуразрушенном вестибюле школы, которую они взяли полчаса назад, ещё стоял серым, плотным киселем. Пахло сгоревшим порохом, острой известковой пылью и раскалённым металлом. Коля сидел на перевёрнутом, посечённом осколками бетонном блоке, прислонившись спиной к обгорелой стене. Автомат лежал на коленях — привычно тяжёлый, грязный, с потёртым прикладом. Пальцы, ввевшиеся в оружейную смазку и копоть, крупно дрожали. Напряжение боя отпускало медленно, оставляя в теле свинцовую усталость.

Рядом, тяжело дыша, опустился Миша — его взводный сослуживец с позывным «Седой». Он сорвал с головы каску, обнажив взмокшие, преждевременно поседевшие волосы, и молча протянул Коле измятую пачку сигарет.

Коля взял одну. Щёлкнула зажигалка. Они затянулись одновременно, глядя сквозь пробитый снарядом потолок на бледное, равнодушное небо. Где-то на окраине посёлка ещё лениво дорабатывал пулемёт, но здесь, среди бетонного крошева, воцарилась относительная тишина.

— Живые, Колян, — хрипло выдохнул Седой, выпуская густой дым. — Считай, выскочили. Ты о чём думаешь сейчас?

Коля посмотрел на свой грязный берец, потом перевёл взгляд на закопчённую стену. Перед глазами стоял не этот разрушенный класс, а совершенно другая картина.

— О доме, Мих, — тихо сказал Коля, и от этих слов в груди впервые за день отпустило мёртвую хватку. — О жене. Знаешь, я ведь форму парадную в шкафу оставил. Новую, с иголочки. Шил, думал — на праздник надену. А сейчас сижу и думаю: приеду, прямо на вокзале переонусь. Наглаженный, с медалями. Дверь своим ключом открою, зайду... Марина выбежит. Бросит всё, прижмётся. Я её обниму и, наверное, только тогда поверю, что живой. Что этот ад кончился.

Седой коротко улыбнулся, похлопав его по плечу бронированной ладонью:

— Доедешь, братуха. Обязательно доедешь. Ради такой встречи стоит терпеть.

Коля закрыл глаза, затягиваясь в последний раз. В его мыслях Марина улыбалась, и этот образ согревал лучше любого армейского бушлата. Он готов был пройти ещё через десяток таких штурмов, лишь бы этот день наступил.

14 октября 2026 года

Полумрак плацкарта встретил его мерным, монотонным стуком колёс и лёгким покачиванием. За окном лениво проносились серые пригородные пейзажи. Пахло заваренным чаем и дорожной едой. Попутчики тихо разговаривали, кто-то листал ленту в телефоне. Всё это казалось Коле оглушительно, непривычно будничным.

Форму он надел ещё в тамбуре, тремя остановками раньше. Не стал дожидаться вокзала, как собирался. Разумнее было доехать в тёплой куртке, а парадный китель беречь до прихожей. Но этот день тянулся так долго, что Коля больше не мог откладывать встречу с собой прежним. Он переоделся на качающихся ногах, застегнул все пуговицы, одёрнул полы и посмотрел на себя в мутное тамбурное стекло — бледный, чужой, но целый.

Он нашёл своё место. Напротив него сидел крепкий, седобородый мужчина в поношенной штормовке. Заметив Колю, мужчина доброжелательно улыбнулся и кивнул на свободную полку:

— О! Служивый, куда путь держишь?

— Домой, — улыбнулся Коля, проходя на полку и убирая сумку под сиденье. — Наконец-то домой. К жене.

— Домой — это хорошо. Дома-то оно всегда лучше, — старик вздохнул и пододвинул к нему завёрнутую в фольгу запечённую курицу. — На вот, поешь, сынок. Домашняя. Главное — вовремя успеть, понимаешь? А то ведь как бывает... Приедешь, а там уже декорации сменились, и актёры другие. Самое страшное, сынок, — это вернуться и понять, что возвращаться-то было некуда.

Коля едва заметно поморщился, посчитав слова старика обычной дорожной философией уставшего человека. «У меня всё по-другому, — упрямо подумал он, отворачиваясь к окну. — У нас с Маришкой всё иначе».

На форму посмотрели дважды: один раз — когда он нёс сумку через вагон, второй — когда сажился и блеснули медали. Потом все вернулись к окнам и к телефонам. Коля понимал, что правильно, так и надо; неделю назад он сам бы ровно так же делал. Но под рёбрами всё равно шевельнулось что-то тонкое и обидчивое. Ему казалось, что за этот год он заработал право хотя бы на один взгляд.

Казалось бы, нужно радоваться. Железные стыки рельсов отсчитывали километры, отделявшие его от фронта. Но тело, привыкшее за год к ожиданию удара, отказывалось подчиняться мирной логике вагона. Парадный китель сидел на нём как сбруя: воротник стоял колом, лакированный ремешок держал грудь, и каждая волна от колёс отдавалась в ключицах холодным железом орденов. Коля ерзал, стараясь не звякнуть.

Он прижался лбом к стеклу, чтобы не видеть лиц. За окном шли дома — сначала целые, серые, под одним и тем же наклоном. Стекло было холодное, запотевшее, и его бледное отражение лежало поверх улицы. Мутные окна панельных пятиэтажек постепенно становились чёрными проломами. То, что секунду назад было балконом, оказывалось вырванной плитой. Стена за стеной теряла этаж, потом два. Пригород медленно рассыпался в пыль, и Коля понял, что смотрит на него слишком внимательно.

Голос пришёл откуда-то со стороны прохода, короткий, сорванный, привычнее собственного имени. Коля уже подавался вперёд, уже тянулся за автоматом — корпус наклонился, пальцы сграбастали ремень, нащупали цевьё, провернулись, чтобы взяться правильно, боевым хватом.

Пальцы сжались на пустом колене.

Он замер, согнувшись, сжимая воздух. Автомата не было. Под пальцами была ткань парадных брюк, отутюженная до блеска.

Коля медленно поднял голову. Никакой ленты окопа. Вагон. Полноватая женщина справа прижимала к себе газету с чистым варёным яйцом, как будто он мог на неё броситься. Молодой человек в наушниках отодвинулся на полсиденья и сделал вид, что увлечён экраном. Старик напротив смотрел всё так же добрыми глазами — и Коля прочитал в них то, чего боялся больше всего: жалость.

— Всё нормально, — сказал он вслух и услышал, как чужое это прозвучало. — Это я... привычка.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.